

РАССУЖДЕНИЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ИМЕТЬ ИСТОРИЮ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 года *

(Начало отрывка сего написано было еще в Силезии до перемирия; окончание же в Москве после всеобщего мира.)

Скоро, может быть, умолкнут громы брани, обсохнут поля от пролитой крови, истлеют тысячи трупов. Пожженные области начнут возникать из пепла, и раны страждущего человечества уврачуются благодатным целением мира. Война сия пройдет мимо, как гневная туча, метавшая молнии на мирные села. Скоро исчезнет ужас, но вслед за ним пробудится любопытство. Люди захотят узнать все подробности сей единственной брани народов. Всякий мыслящий ум пожелает иметь средства составить себе полную картину всех необычайных происшествий, мелькавших с блеском молний в густом мраке сего великого периода **.

---

* Сие рассуждение напечатано было прошлого года в одном из московских журналов¹, а ныне печатается вторично с переменами и поправками. О сем предмете нельзя говорить слишком часто. — *Изд.*

** Почтенный Александр Иванович Данилевский в письме своем из Германии говорит мне, что он имел случай беседовать со многими ученейшими мужами в Европе, и все единогласно требуют от русских истории их Отечественной войны. — *Соч.*

Современники, может быть, и будут довольствоваться одними только изустными преданиями и простыми записками; но потомки, с громким ропотом на беспечность нашу, потребуют истории. «Дайте нам,— скажут они,— ясное понятие о том времени, когда грозные тучи ходили в небесах Европы, когда повсюду гремело оружие и звучали цепи; когда кровь и слезы обливали смятенную землю; когда тряслись престолы и трепетали цари!» Так будут говорить вообще все народы Европы. Но русские захотят особенно иметь живое изображение того времени, когда внезапный гром войны пробудил дух великого народа; когда народ сей, предпочитая всем благам в мире честь и свободу, с благородным равнодушием смотрел на разорение областей, на пожары городов своих и с беспримерным мужеством пожинал лавры на пепле и снегах своего отечества. Ужели незабвенные подвиги государя, вождей и народа в сей священной войне умрут для потомства? Нет! *Перо истории* должно во всей целости передать их бессмертие.

Одна *история* торжествует над тленностью и разрушением. Понижает величие держав; меркнет блеск славы; молва звучит и затихает. Роды и поколения людей приходят, как тени, по краткому пути жизни. Что ж остается за ними в мире? *Дела!* Кто хранит их для поздних столетий? *История!*

О ты, могущая противница времен и случаев, вмещающая деяния всех народов и бытия всех веков, история! Уготовь лучшие из скрижалей твоих для изображения славы моего отечества и подвигов народа русского! Смотри, какую пламенную душу показал народ сей, рожденный на хладных снегах севера.

Опаленная молниями войны, утомленная трудами, покрытая ранами *Европа* видимо колебалась над бездной гибели и рабства. Изнеженный потомок древних римлян уже не напевал более песен свободы под ясным небом своей *Италии*. Стоны рабства раздавались в лавровых лесах ее. Угнетенный *германец* уныло смотрел на расцветание полей, на красоту городов своих. Он вспоминал о счастье прежней свободы, как вспоминает сирота о ласках нежной матери, уже давно в земле почившей. Один *испанец* тонул в крови и бился на дымящихся развалинах городов под страшным заревом пожаров, опламенивших отечество его. «Что ж сделает русский?» — думали иноплеменники.

А русский, слышав шум от запада текущий бури, восстал и ополчился всею крепостью своих сил.

Было на мыслях у врагов наших и то, что русский сдаст им отечество свое без бою, но не сбылись мечты сии на деле. Жестоко обманулись они в *уме* и *духе* народа. Сей-то *обман* обнаружит пред светом история. Громко посмеется она дерзким расчетам и мечтам врагов наших и достойно похвалит *побуждения*, двигавшие волею и сердцем россиян. Все побуждения сии благородны и священны. Русский ополчался за снега свои — под ними почивают прахи отцов его. Он защищал свои леса: он привык считать их своею колыбелью, украшением своей родины; под мрачною тению сих лесов покойно и весело прожили предки его. Русский с восхищением дышал студеным воздухом зимы своей и с веселым сердцем встречал лютейшие морозы; ибо морозы сии, ополчаясь вместе с ним на землю его, *познобили* врагов ее. Русский сражался и умирал у преддверия древних храмов: он не выдал на поругание святыни, которую почитает и хранит более самой жизни. Иноземцы с униженною покорностию отпирали богатые замки и приветствовали в роскошных палатах вооруженных грабителей Европы; русский бился до смерти на пороге дымной хижины своей. Вот чего не предчувствовали иноземцы, чего не ожидали враги наши! Вот разность в деяниях, происходящая от разности во нравах! — О народ мужественный, народ знаменитый! Сохрани навеки сию чистоту во нравах, сие величие в духе, сию жаркую любовь ко холодной родине своей: будь вечно русским, как был и будешь в народах первым! Прейдут веки и не умалят славы твоей, и поздние цари возгордятся твоею преданностию, похвалятся твоею верностию и, при новом ополчении народов всей земли, обопрутся на твердость твою, как на стену, ничем необоримую! Но да не утратится ни единая черта из великих подвигов твоих! Я трепещу в приятном восторге, воображая, сколь прекрасны дела твои и в какое восхищение приведены будут поздние потомки описанием оных! — Так! нам необходима *история Отечественной войны*. Чем более о сем думаю, тем более утверждаюсь в мысли моей. Но сочинитель истории сей должен иметь все способности и все способы, приличные великому предприятю, изобразить потомству столь беспримерную борьбу свободы с насилием, веры с безверием, добродетели с пороком. Сочинитель истории Отечественной войны не ста-

нет углубляться в сокровенность задолго предшествовавших ей обстоятельств. Деяния современные взвешиваются потомством. Современник невольно покорен собственным и чуждым страстям и, колеблясь между страхом и надеждой, не может быть беспристрастным судьей. Одно время поднимает завесу непроницаемости, за которой таились все действия, предприятия и намерения дворов европейских. Происшествия спеют и только в полной зрелости своей очевидны становятся. Люди поздних столетий яснее нас будут видеть наше время *. Они увидят страсти государей и министров, их мнения, надежды, сношения одного с другим и роковую связь всех вместе с тем, который железною десницею, по дерзкой воле страстей своих, управлял ими и судьбами их народов. Важнейшие из предшествовавших войне обстоятельств представит нам сочинитель в отдаленной картине. Там, например, на левом берегу Немана покажет он издали грозного вождя вооруженных народов, сего сына счастья, сие страшное орудие непостижимых судеб, гордо опершегося на целый миллион воспитанных войною. Он покажет, как сей *черный дух*, заслонясь темным облаком тайны, исполинские замыслы, на пагубу отечества нашего, в дерзком уме своем вращает. Подробнейшие описания начнутся со дня вторжения. Не распространяясь о том, какие должен иметь сочинитель *способы*, скажем только, кто он должен быть. Сочинитель истории (1812 года) * должен быть: *воин, самовидец*, и, всего более, должен быть он — *русский*. Сии-то три предположения следует доказать. Постараемся.

Он *должен быть воин*, сказал я потому, что будет писать историю *войны*. Это очень естественно. Притом, как воин, будет он с тем же бесстрашием, с каким встречал тысячи смертей в боях, говорить истину потомству. Лесть, сия жительница позлащенных чертогов, стремится гремящих бранию полей. Воин не имеет времени свыкнуться к ней.

Сочинитель должен быть самовидец. Один только историк-самовидец может описать каждое воинское действие столь живыми красками, так справедливо и так обстоя-

---

Мы теперь, например, лучше и обстоятельнее знаем, откуда пришли татары и кто они таковы. Предки наши просто начинали летопись свои о их нашествиях: «И прииде язык некий от стран неведомых». — Соч. ²

тельно, чтоб читатель видел ясно, как пред собственными глазами, стройный ряд предшествовавших обстоятельств каждого сражения, видел бы самое сражение, так сказать, пылающее на бумаге, со всеми отличительными и только ему одному свойственными обстоятельствами, и видел бы потом *родившиеся из оногo последствия*, протягивающиеся в виде неразрывной цепи от событий к событию. Сочинитель постарается возвести до высшей степени любопытство читателя, приучить его участвовать во всех происшествиях, как в собственных делах, и тесно сдружить с описанием своим. Но как успеть в сем? Описывать происшествия точно в таком порядке, как их видел, соблюдая в ходе всех дел самую точную постепенность, а в объяснении простоту и истину. Историк должен быть вернейшим живописцем своего времени. *Подробности*, больше всего должно беречь *подробности*: они, как ртуть, скользят в ту минуту, когда их хватаешь. Догадливый историк знает, о каких подробностях я намекаю. Одна свеча, на месте поставленная, освещает целую комнату; одна черта, счастливо замеченная и удачно помещенная, поясняет целое происшествие. Накануне сражения *сочинитель*, обойдя стан свой, должен сводить читателя и в стан неприятельский, показать ему положение войск и расположение духа их. Оба они должны прилежно вслушиваться, что говорят простые воины у полевых огней, что шепчут генералы в шатрах своих и какие речи раздаются в темноте ночной или на утренней заре перед боем из уст главных предводителей войск. Тогда видно будет, прозорливое ль благоразумие или слепое счастье, дерзкая ль самонадеянность или кроткая вера и надежда в военных советах председат и решительною волею вождей управляют.— *Более всего* должен быть он русским*. Так сказал я выше, и смею утверждать, что историк Отечественной войны должен быть русским по рождению, поступкам, воспитанию, делам и душе. *Чужеземец*, со всею доброю волею, не может так хорошо знать историю русскую, так упоиться духом великих предков россиян, так дорого ценить знаменитые деяния протекших, так живо чувствовать обиды и восхищаться славою времен настоящих.

---

* Г. Меркель, издатель «Рижского зрителя», также в особой статье очень умно и убедительно доказывал, что историк войны 1812 года непременно должен быть *русский*. — Соч.³

Чужеземец невольно будет уклоняться к тому, с чем знакомился с самых ранних лет, к истории римлян, греков и своего отечества. Он невольно не отдаст должной справедливости *победителям Мамаю, завоевателям Казани*, воеводам и боярам Русской земли, которые жили и умерли на бессменной страже своего отечества.— Говоря о величии России, иноземец, родившийся в каком-либо из тесных царств Европы, невольно будет прилагать ко всему свой *уменьшенный размер*. Невольно не вспомнит он, на сколь великом пространстве шара земного опочивает могущественная Россия. Вся угрюмость Севера и все прелести Юга заключены в пределах ее. Обширные моря на ее великом протяжении кажутся озерами. Ее столицы — суть области; ее области — царства!.. Русский историк, описав, как должно, войну 1812 года, преисполнит чуждые народы благоговейным почтением к великому отечеству нашему, показав, как оно, заслонясь сынами своими, удержало место свое на лице земном в те дни ужаса и разрушений, когда все бури брани и все оружие Европы стремились столкнуть его в *небытие*. Кто, лучше русского историка, изобразит нам, как Россия, посыпанная пеплом истлевших городов, среди разбитых стен и дымящихся развалин, восстала в чудесной неборимости своих сил? Кто лучше нарисует картину пробуждения народного духа, дремавшего под покровом двух мирных столетий, и представит, как русский народ *облекался во крепость свою*, пламенея усердием к царю и отечеству? Каких пожертвований не сделано было? Курились города, исчезали села, пустели чертоги, посохи превращались в копья, серпы в мечи!.. И, наконец, кто лучше русского, испытавшего столько превратностей в столь короткое время, признает *священный промысл* существа вседвижущего и всем управляющего во вселенной своей? Русский историк не проронит ни одной черты касательно *свойств народа и духа времени*. Он не просмотрит ни предвещаний, ни признаков, ни догадок о случившихся несчастиях. И тогда, в описании его, увидим мы, как наяву и будто в сию самую минуту, как постепенно унывает отечество наше, как слышатся отдаленные стоны громов надходящей тучи, как дивные знамения в небесах являются⁴, как растекается тайный шепот предчувствия о будущем великом горе и цепенеют сердца людей среди мнимого спокойствия.

То же перо, которое опишет начало наших бедствий,

изобразит и счастливейшее заключение кровавого позорища, когда бог наш вступился за обиды земли своей, за разоренные храмы, за опозоренные алтари. Тогда увидим мы ясно в сей исторической картине, новой и необычайной, неслыханное бегство тьмочисленных врагов по оледенелым пустыням; увидим, как гневное небо дышит на них бурями и всеми видимая десница всевышнего ужасным мечом своим пожинает тысячи буйных глав. Мы увидим, наконец, победоносные воинства наши сквозь чащу дремучих лесов, сквозь тесноту диких ущелий, среди истлевших селений и догорающих городов, по снегам и трупам враждебных тысяч достигающие берегов Немана. Там-то небесный меч бога-мстителя преходит в десницу помазанника его, государя скромного и великодушного, Александра I, да расторгнет им тяжкий плен окованной Европы.

Таким образом, определили мы, кажется, главные черты, которыми должны ограничиваться обязанности сочинителя и расположение его сочинения. Сего требовал ум. Но теперь сердце подает голос свой. «Ты русский! — говорит оно историку.— Ты должен сделать, чтобы писания твои услаждали и приводили в восторг все сердца твоих соотчичей». Как же успеть в сем? Русское сердце знает о том. Русский историк! Ты видел великое торжество любви к отечеству, видел ты древних старцев, стеновавших под бременем лет и недугов, вдруг оживотворенных и подъявших меч защиты! Не видал ли ты нежных матерей, отторгавших от сердца своего ни опытом еще, ни силами незрелых единокровных сынов своих и посылавших оных, как обреченные жертвы отечеству, в пламенеющие бури браней на тяжкую истому и неслыханные труды? Не сих ли самых юношей видел ты летевших в кровавую сечу с неустрашимостию мужей и увядавших на прекрасной заре дней своих в гремящих бурях войны? Кому утешать сетующих отцов, неутешных матерей, рыдающих жен и невест? Тебе, русский историк, предлежит священный подвиг сей: ты должен оживотворить для потомства тех, которые пострадали смертью за отечество! Твоя история должна вмещать в себе подвиги великих и малых, как ясное зеркало вод величественные древа и скромные кустарники, на берегах его растущие, равно в себе изображает. Да будет книга твоя памятною книгою усопших на полях битв. Возьми в пример летописателей прежних веков. Не все ли деяния

отечественных героев передавали они, как святыню, позднейшему потомству? Так! Вы не умерли, мужи, падшие на полях *Задонских*; не исчезла память ваша, витязи, окропившие кровью свою пустыни *Аркские*! Великие тени ваши не сетуют о забвении: вы живете в сердцах истинных россиян!..

Но скажут: как поместить все подробности, все частные подвиги в истории, имеющей в виду столько великих происшествий, касающихся судьбы царств и народов? Пойдите к сему у Иоанна Миллера⁵. Описывая важнейшие события в истории своего народа, чудесные превратности в судьбах его и рисуя величественные картины швейцарской природы, он не забывает упомянуть, кто именно был первый житель какой долины, кто провел первую борозду на скатах холмов ее и кто развел в ней виноградные лозы. Самый пламенный юноша не может описывать с таким страстным жаром прелестей невесты своей, как Миллер описывал свое отечество. И вот как должно писать отечественную историю! Так напишется история единственной 1812 года войны. В сем уверяюсь и с удовольствием смотрю в будущее. Уже я вижу, как проясняется сердце скорбной матери, вижу, как за слезами горести светится в очах ее удовольствие. Она раскрывает книгу и находит имя и подвиг своего сына, до смерти пострадавшего за отечество. Какое услаждение для благородной души! Ей кажется, что смерть отреклась от прав своих, что раскрывается могила храброго и утешенная тень друга и любимца ее приветствует из блеска нового бытия. Вот награда сердечных потерь отцов, супруг и матерей! А награда историка — благодарные слезы их! Утешьтесь, тени падших на полях *Бородинских*, в битвах под стенами *Смоленска*, на берегах *Двины*, при *Тарутине*, *Малом Ярославце*, *Вязьме* и *Красном*! Вы, погребенные в дремучих лесах польских, и вы, опочившие под чуждыми снегами в пределах дальних стран! Скоро, скоро пробудит вас глас повествователя, и вы оживете в истории Отечественной войны. Но будь справедлив, историк! Справедливость есть лучшее украшение повествований. Будь справедлив, не забудь еще о тех страдальцах, которые, принеся все на алтарь отечества, бежали от мест своего рождения, от гробов отцов своих! Ты видел, как грустно им было расставаться с пределами родины своей; ты видел, как они, прощаясь с домами, где восприяли жизнь, лобызали, как друзей, и самые бездуш-

ные вещи, освященные прикосновением их предков. Ты видел, с каким бескорыстием, оставя богатые села, все недвижимые имущества и древние заведения, взяв только домашние иконы и грудных младенцев, с сердцем, исполненным грусти, среди шума военных бурь и воплей народа, скитались они из края в край смятенной России. Многие сожигали собственные жилища свои, чтобы не дать в них гнездиться злодеям. И всякий лучше хотел быть *изгнанником*, нежели остаться *заложником**. Кто исчислит пользы от сей великодушной решимости дворян? Не забудь их, историк, и утешь претерпевших *великие потери*, но предпочитающих всем сокровищам в мире спасенную ими честь! Не забудь и тех добродушных сынов России, которые в скромной простоте своей, менее всех казавшись опасными врагам, нанесли им незабвенный вред. Сии мирные сыны природы от тишины родных полей, от пения птиц домашних лесов внезапно переступили в шум битв и свист смертей. Оратаи и пастыри сделались воинами. Оросив слезами жен и детей, ограда грудь свою крестом, беспечно и бодро шли они *распивать смертную чашу* с врагами, небывальными на Русской земле. Они бились за *веру и царя и устояли в вере и верности*. Видели они потом страны иноземные, странствовали по цветущим полям Германии и пировали победы в пределах Франции. Но среди роскошной природы, в благоухающих долинах и зеленеющих садах, не утешались они сиянием *чужого солнца* и грустно вздыхали о *снежной родине своей*. Не забудь их, историк! — Напрасно *клевета* легкомысленных иноплеменников силится уверить свет, будто русские управляются одним *страхом* или *корыстью*, будто слава не есть их *единственная цель*. Истина, водившая пером древних летописателей наших, явно опровергает клеветы сии. Народ русский, потомок славян, привык жить славою и для славы. Нужны ли примеры? Им нет числа! Там, в отдаленной древности, слышим *воевод царя Иоанна Васильевича*, говорящих друг другу задушевную речь: «Не бессмертными созданы мы от бога. Рано или поздно умрем. Но нестократно ли предпочтительнее славная смерть безвестной жизни? Пойдем, постраждем смертью за отечество! Отда-

---

* Мужественная смерть смоленских дворян Энгельгардта, Шубина⁶ и прочих и великодушие государя к родственникам умерших будет перлою отечественной истории.

дим временное бытие за право жить вечно в *памятных книгах*» *. И во дни наши, в чудесном походе величайшего из полководцев через горы Альпийские, когда воинство наше среди всех ужасов природы, под вечным шумом падающих рек, под гремящим разрушением снежных громад, среди зияющих бездн терпя истому, голод и нужду, сражалось с препятствиями и врагами, слышим мы последние слова борющегося со смертью юноши к будущему историку его времени: «*Не забудь меня в реляции!*» ** Он сказал и через две минуты умер. Сколько подобных сему завещаний сделано усердными россиянами, падшими в 1812 году! Историк! Ты их *душеприказчик*: исполни последнюю волю героев бывших, и тогда история твоя родит *героев времен будущих*.

В заключение, кажется, должно сказать что-нибудь о слоге. Слог в описании великих событий 1812 года должен быть исполнен важности, силы и ясности. Более всего дорожить надобно собственноручными писаниями и изречениями действовавших лиц в сей войне. Позднему потомку приятно будет видеть всех их вместе, так сказать, в *общей беседе*, и слышать их разговаривающих между собой *языком, обстоятельствам и времени их приличным*.

Слог грека Фукидида, римлянина Тацита и нового Тацита Иоанна Миллера, без сомнения, послужит образцом. Но отнюдь не должно упускать из вида и древнего славянина Нестора⁸, которого рукою водила сама истина: должно напоить перо и сердце свое умом и духом драгоценнейших остатков древних рукописей наших.

Русский историк постарается изгнать из писаний своих все слова и даже обороты речей, заимствованные из чуждых наречий. Он не потерпит, чтобы слог его испещрен был *полурусскими* или вовсе не *русскими* словами, как то обыкновенно бывает в слоге ведомостей и военных известий. Но спрашивают: где набрать довольно слов, наименований и выражений, объясняющих все разделения строев, все обороты, построения и движения войск, и проч. и проч.? — Отвечаем: разве предки наши, славяне и русские, не воевали, разве и прежде не было строев и движений? — Нет! — говорит *история*, были войны кровавые.

---

* Смотри летописец под заглавием: «Царственная 7042 до 7061 года.

** Егор Борисович Фукс описывает случай сей в изданной им «Истории Суворова»⁷. Достопамятные слова, означенные мною, произнесены двадцатидвухлетним поручиком Мещерским.

были походы дальние; и прежде умели русские сражаться и побеждать: для новейших построений и оборотов воинских можно и должно *сочинить* новые наименования *. Степенные книги, синопсисы ⁹, некоторые книги славянские, разные предания и летописи суть источники, из которых писатель, знающий основательно язык свой, подчерпнет речения для составления *русского военного словаря*. Такая книга была бы подарком для отечественной словесности. — Так! Слог истории, о которой мы говорим, должен быть чист, ясен и понятен не для одних ученых, не для одних военных, но для людей всякого состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе отечества. — Война 1812 года неоспоримо назваться может *священной*. В ней заключаются примеры всех гражданских и всех воинских добродетелей. Итак, да будет история сей войны чистейшим *приношением* небесам, лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей. Да узрит в ней любопытный взор отдаленного потомства, как в ясном зеркале, весь ряд чудесных событий, все величие России [...].

---

* Знаменитый Суворов, любитель и любимец великого народа *русского*, поместил в одном из приказов своих 1789 года сии незабвенные слова: «В российской службе — российский язык; нужно его всегдашнее употребление для *разумения слов*. Чужестранный язык волонтерам!» — Соч.

Ф. Н. ГЛИНКА

Федор Николаевич Глинка (1786—1880) — поэт, публицист, видный деятель декабристского движения. Участник войн с Наполеоном, Глинка описал эти события в книге «Письма русского офицера» (1808, изд. 2-е, дополненное — 1815—1816), принесшей ему широкую известность. Глинка был членом ранних декабристских организаций — «Союза спасения» и «Союза благоденствия», знал о существовании Северного общества и поддерживал тесные связи с его членами. Руководитель Вольного общества любителей российской словесности, поэт своеобразного дарования, Глинка сыграл большую роль в разра-

ботке и пропаганде идей дворянской революционности. После поражения восстания 1825 года он был сослан в Петрозаводск. В конце жизни перешел на консервативные позиции. Глинка не был литературным критиком, но некоторые из его публицистических выступлений имеют непосредственное отношение к литературе и оказали на нее заметное влияние.